

*Автор выражает признательность
кандидату юридических наук,
доценту Е.В. Смахтину
за профессиональную консультацию
и дружеские советы.*

— Всё! Сейчас я убью этого зашоренного верблюда! — бешено заорал в своем закутке бильд-редактор Петя Громов.

В этот момент Игорь Горшенин со всей определенностью понял, что пришла пора собирать вещички на выход. В «Полях Кубани» ему больше не работать.

В том, что горбатой скотиной с искусственно ограниченным кругозором обозвали именно его, Игорь не усомнился. С детских лет Горшенина называли не Игорьком или Гошей, а только Игогошей. Приличные на первый взгляд имя и фамилия «Игорь Горшенин» в сочетании с длинным унылым лицом и крупными зубами жвачного животного не оставляли малолетним сочинителям кличек никакого простора для фантазии.

— Я убью тебя, слепошарое парнокопытное! — распахнув дверь в коридор, где топтался Игогоша, проорал взбешенный бильд-редактор.

За его спиной в затемненном кабинете красиво светился большой дизайнерский монитор. В данный момент на нем застыла картинка, ра-

ди которой фотограф не поленился залезть в мусорный бак. В щель между его краем и крышкой открывался очень необычный вид на девчонок из модельного агентства — его владелец опрометчиво заказал редакции фотосессию на городских улицах. Игогоша находил эту свою работу весьма интересной. К сожалению, у «главного по картинкам» было несколько иное представление о творческих процессах и их желательных результатах.

— С чего ты взял, что можешь работать фотографом?! Какой из тебя фотограф, животное?! — гневно топая ногами, бесился чистоплюй и зануда Громов.

— Опять Игогоша съемку запарол? — понимающе хмыкнул проходивший мимо журналист Вася Лавочкин. — Да гони ты его в шею, Петька!

— В хвост и в гриву! — ехидно поддакнул вечный Игогошин злопыхатель и удачливый конкурент — маэстро унылого парадного фотопортрета Антон Иванович Дорожкин.

— Горшенин, ты уволен! — прокричавшись, бешеным шепотом сказал бильдредактор и вернулся в кабинет, откуда тут же послышался печальный звон разбитого стекла.

Игогоша скорбно вздохнул и поправил на плече сумку с камерой.

Фотографу по-прежнему казалось, что его взгляд на модельный бизнес сквозь прищур мусорного бака был парадоксально свежим, но найти понимание в посконных и сермяжных

«Полях Кубани» он уже не надеялся. Приходилось признать, что его работа с этим скучным ортодоксальным изданием была такой же ошибкой, как попытки сотрудничества с доброй дюжиной других иллюстрированных журналов и полноцветных газет столицы аграрного края.

— Ига, эти косные и замшелые люди бесконечно ниже высокого искусства во всех его проявлениях! — разливая по стопкам дешевую водку, сказал в утешение расстроенному фотографу его приятель Борюсик.

При росте метр пятьдесят сам он был бесконечно ниже долговязого Игогоши, но при этом тоже дерзал замахиваться на высокое искусство. Официально Борюсик замахивался на него в театре юного зрителя, где служил актером, а неофициально — в немногочисленных ночных клубах губернского города. Амбициозный Борюсик мечтал сменить обрыдшее ему амплуа пионера-героя на гораздо более героическую роль го-го-дансера. Увы, косные и замшелые владельцы клубов лилипутский стриптиз заслуженного актера травести пока не оценили. Однако Борюсик сам не унывал и не советовал отчаиваться другу.

— Ига, наплюй на «Поля Кубани» и дуй в другой журнал! — опрокинув стопку, посоветовал он.

Игогоша на лошадиный манер помотал головой, бессловесно выражая малодушное сомнение в том, что его свежее дыхание оживит дру-

гой журнал успешнее, чем оплеванные «Поля Кубани». По правде говоря, ему уже некуда было идти. В краевом центре не осталось печатных органов, бильдредакторы коих еще не были знакомы с неординарными работами фотохудожника Игоря Горшенина.

— Тогда меняй творческую манеру, — посоветовал неунывающий Борюсик. — Не можешь? Тогда не манеру, а жанр. Почему бы тебе не попробовать себя в роли папарацци? Я думаю, у тебя получится. Во всяком случае, это ампула вполне сочетается с засадой в мусорном баке!

— Папарацци охотятся на знаменитостей, — возразил Игогоша. — Журналы раскошеливаются на снимки голливудских звезд!

— Так то голливудские журналы! — поправил его Борюсик, поболтав бутылку и посмотрев сквозь нее на лампочку — тусклую, как предзакатная кинозвезда. — А нашим родным таблоидам гораздо интереснее наши же родные звезды!

— Это кто же? — уже почти деловито поинтересовался неленивый фотограф.

— Да мало ли у нас карликовых звезд! — Борюсик — сам вполне карликовый, но совсем не звездный — пожал плечами и кивнул на работающий телевизор. — Хотя бы вот он! Шикарный мужчина, мечта девиц и старых дев, завидный жених, спортсмен и просто красавец!

В звонком голосе почетного пионера прорезалась классовая ненависть. Игогоша обернулся

и внимательно посмотрел на мужчину, который перехватил у бедняги Борюсика славу секс-символа.

— А это кто?

В этот момент на экране под поясным портретом телевизионного красавца как раз появились титры.

Прочитав их, Игогоша завистливо пробурчал:

— Смотри-ка, с именем ему тоже подфартило!

Он мгновенно солидаризировался с Борюсиком в антипатии к везучей телезвезде, и роль папарацци, отравляющего жизнь красивым, богатым и знаменитым, перестала казаться ему благородной.

— Ну, выпьем за новые горизонты! — чутко уловив смену настроения приятеля, предложил Борюсик и вновь наполнил рюмки. — Кстати, у меня новый номер телефона. Запиши!

Новоиспеченный папарацци послушно достал из кармана потрепанную записную книжку. Он зафиксировал номер и снова спрятал блокнот в карман, где тот и оставался до тех самых пор, пока его не извлекли оперативники.

Сам Игогоша по не зависящим от него причинам прокомментировать последнюю сделанную им запись уже не мог, но дознаватель проныцательно угадал в одиннадцатизначной комбинации телефонный номер, дозвонился Борюсику и без долгих предисловий предложил ему прибыть в окружной морг для опознания тела.

31 марта

Мне следовало понять, что дело неладно, еще когда Маруся заменила картинку на мониторе своего компьютера. Обычно у нее там сексапильные парни и целующиеся парочки, а тут вдруг появилась бесполоя придурковатая белка из мультфильма «Ледниковый период». Чокнутый грызун утопал в море орехов, заполонивших весь экран, и при этом имел такое же выражение передней части головы, как и сама Маруся.

Сходство вполне оправдывалось: мы обе тоннули в псевдолитературном болоте. Было тридцать первое число — крайний срок, установленный Броничем для написания впрок «поздравлялок» на весь последующий месяц.

Важных и нужных знакомых у нашего шефа великое множество, и каждого он считает достойным неповторимого персонального поздравления с любой мало-мальски знаменательной датой. В результате мы с Марусей вынуждены регулярно и в больших количествах сочинять пафосные тексты по сотне разных поводов. Самая тяжкая наша поэтическая страда приурочена к всенародным праздникам: Новому году, Дню защитника Отечества и Восьмому марта. Соответственно за три зимних месяца мы с коллегой сочинили столько поздравлялок, что в марте совершенно обессилели и непоправимо затянули с сезонными работами. А тридцать первого числа Бронич, покидая контору, ласково так сказал:

— Приятненького вечерочка вам, девочки, завтра утречком первым делом жду от вас открыточки на подпись.

И вечерочек сразу же перестал быть приятненьким.

Я взглянула на часы: стрелки образовали на циферблате четкую вертикаль. Восемнадцать ноль-ноль, мой законный рабочий день закончился, но как быть с проклятыми поздравлялками?

— Много их? — со вздохом спросила я Маруську, которая как раз изучала список наших апрельских героев.

— Всего шестнадцать. Давай так: ты пишешь бизнесу, а я власти, — хитрая Маруся попыталась распределить работу в свою пользу.

Власти писать гораздо легче, чем бизнесу. Административных работников мы обычно не балуем поэтическими изысками. Чиновники привыкли к сухому стилю деловой переписки, так что им вполне хватает одной яркой метафоры, в свободном стиле размазанной по всему тексту. А вот с продвинутым деловым сообществом так не пофилонишь, приходится искать новые яркие образы и подавать их с поправкой на специфику работы конкретного бизнесмена.

— Нет уж, фигушки! — сказала я. — Или мы делим бизнес и власть фифти-фифти, или я прямо сейчас засяду за подготовку презентации в Германии!

Смекнув, что при таком раскладе все по-

здравлялки достанутся ей одной, Маруся живо согласилась на праведный дележ. Она собрала все открытки в одну колоду и сдала их, как игральные карты, приговаривая:

— Тебе, мне. Тебе, мне...

Первые два текста я написала быстро. Вторая пара стоила мне и труда, и времени: четкая вертикаль на циферблате часов сделалась вдвое короче.

«Уже восемнадцать тридцать! — застонал мой внутренний голос. — Кошмар! Ты опоздаешь в парикмахерскую!»

Опаздывать в парикмахерскую было никак нельзя: на завтра у меня имелись большие планы. Мы с бойфрендом Денисом собирались гулять на помолвке его лучшего друга Руслана Барабанова, и я всерьез намеревалась затмить красотой всех дам, включая будущую мадам Барабанову.

До назначенного срока явки к парикмахерше оставалось полчаса. Я мобилизовалась и за десять минут накатала еще два текста.

«Всё, бросай это гиблое дело и бегом в салон! — прикрикнул на меня внутренний голос. — Оставшиеся поздравлялки сочинишь, пока будешь мелироваться: двадцать минут тихого сидения в колпаке тебе гарантированы, вот и используешь их с толком».

Это был хороший совет, и я ему последовала. Маруся, у которой поздравлялки вытанцовывались с большим трудом, проводила меня тоскли-

вым завистливым взглядом и со вздохом уткнулась в компьютер. Он в промежутках между написанием прочувствованных слов простаивал так долго, что на мониторе успевала показаться чокнутая белка с ее орехами. К этому моменту между ней и Марусей уже обозначилось отчетливое фамильное сходство, чему я не придала должного значения.

А зря!

1 апреля

Поутру выяснилось, что Маруся сказала больно́й и не вышла на работу.

— Наверное, она попала под дождь и простудилась, — огорчилась я, виновато вспомнив, что у Маруси тоже были какие-то планы на после-рабочее время, а поздний вечер ознаменовался первой весенней грозой.

Если бы не Денис, который приехал за мной в парикмахерскую на машине и с зонтом, я бы не смогла уберечь от осадков свою красивую прическу. А у Маруси, которая как раз переживала период полного безрыбья в личной жизни, вчера не было ни галантного кавалера с машиной, ни даже зонтика. Душу и тело бедняжки мог согреть только тонкий шелковый шарфик, который она, кстати говоря, забыла в офисе. Он так и остался висеть на спинке ее стула, трепеща на сквозняке, как розовый флажок.

— Нет! — в сердцах возразила наша третья коллега — бухгалтер Зоя Липовецкая. — Ма-

руська не простудилась, она просто чокнулась! Вот, смотри!

Она потрясла в воздухе какой-то бумажкой, перебросила ее мне, а потом с треском разломил плитку шоколада: знать, расстроилась. Шоколад у нас в кабинете обычно служит заменителем валериановых капель.

— «Уважаемый *всем по списку!* — прочла я с подобающим выражением. — В этот замечательный апрельский (майский, июньский и т.д.) день примите наши сердечные (горячие, искренние) поздравления с Вашим Днем Рождения (именинами, крестинами, сороковинами)! Мы знаем Вас как настоящего мужчину (женщину, домашнее животное, гуманоида), внесшего огромный вклад в развитие страны (распитие напитков, собирание спичек, лепку снеговиков, осеменение свиней)...» Ну, Маруська!

Я не выдержала и захохотала.

— Напрасно смеешься, — желчно сказала Зоя, остервенело грызя шоколадку. — Представь: она все свои поздравлялки написала по этому идиотскому шаблону!

— Ты серьезно?!

Я перестала смеяться, ринулась к пустующему Марусиному столу и торопливо разворошила аккуратную стопку подписанных открыток.

— Здесь все чиновники и только половина дельцов. Где же остальной бизнес?

— А бизнес тю-тю! — Зойка внимательно посмотрела на оставшуюся часть сладкой плитки,

потом на меня, снова перевела взгляд на шоколадку и решительно переломила ее пополам: — На-ка, съешь!

Я послушно затолкала в рот «лекарство» и встревоженно прочавкала:

— В каком смысле — тю-тю?

— А во всех смыслах! — зловеще сказала она. — Про добрые отношения с бизнесом можно забыть. Маруся, идиотка такая, сама за шефа расписалась и конверты с открытками для первой партии именинников в почтовый ящик бросила!

— Так чего же ты тут сидишь! — подскочила я. — Бегом к ящику, пока почту не вынули! Будем умолять почтальона вернуть нам эти письма!

— Ты думаешь, я тоже дура, как Маруся? — обиделась Зойка. — Да я сорок минут плясала на углу, дожидаясь почтальона!

— Так ты вернула письма? — Я с облегчением выдохнула. — Фу-у-у, напугала...

— А ты готовься, Бронич узнает — еще не так нас напугает, — пообещала коллега. — К сожалению, я только два Маруськиных шедевра завернула, третьего-то письмеца в ящике не было. Полагаю, оно ушло еще вчера вечером, потому как день рождения у адресата сегодня — и поминай как звали!

— А как звали? В смысле, кому ушло? — хватась за сердце, спросила я.

— А Галине Михайловне Лушкиной! — ответила Зойка, исподлобья наблюдая за моей реакцией. — Ну, что — еще по шоколадочке?

— Давай, — прошептала я, закрывая глаза и представляя, какой будет реакция Бронича на жуткую новость о Маруськином тихом, но вредоносном помешательстве.

Сразу захотелось лечь и скрестить на груди руки!

Мадам Лушкина с ее компанией — наш VIP-клиент. У шефа с этой бизнес-леди какие-то особые отношения. Корни их уходят в те доисторические времена, когда нашего агентства еще не существовало, так что мы с девочками не в курсе интимных подробностей.

— Я думаю, Бронич кого-нибудь уволит или штрафанет на всю зарплату, — сказала Зойка, когда я осторожно поинтересовалась ее прогнозом. — Причем необязательно Марусю. Маруська-то практикантка, что с нее возьмешь.

И она с жалостью посмотрела на меня.

— Да нет, — чавкая булочкой, возразил наш видеоинженер Андрюха Сушкин.

Он, как обычно, появился в конторе на час позже, чем я, и первым делом наладился завтракать, а вторым — обесточил весь этаж, устроив короткое замыкание с помощью хронически неисправного электрического чайника.

— Я думаю, Бронич никого не уволит, — сказал любитель чайно-энергетических церемоний. — Он кого-нибудь убьет.

И Андрюха тоже жалостливо взглянул на меня.

— Понятно, — нарочито бодрясь, сказала я и принялась собирать свои вещи. — Тогда я вас

покину прямо сейчас. Мне срочно нужно при-
смотреть себе модный саван и белые тапки.

— Ты куда?! — в один голос вскричали Зойка
и Эндрю, сообразив, что в мое отсутствие гнев-
ливый шеф вполне может уволить (или убить)
кого-то из них.

— Как куда? — Я становилась на пороге и
поправила сумку на плече, как солдатик веще-
шок. — На особо опасное задание, доброволь-
цем: поеду к Лушкиной, попробую как-то спа-
сти ситуацию.

Мне казалось, это прозвучало торжественно,
но вполне оптимистично, однако хмурые лица
моих коллег несколько не просветлели. Они пе-
реглянулись, и Зойка, пряча глаза, сказала:

— Кстати, в обувном магазине на Наждачной
финишная распродажа старой летней коллек-
ции, и там очень много белого...

— Спасибо, вам тоже всего хорошего и дол-
гих лет жизни! — желчно сказала я и поспешила
убежать из конторы, пока не явился наш гроз-
ный шеф и не сократил мою собственную жизнь
или же денежное довольствие.

Даже не знаю, что было бы хуже.

— Иди и возвращайся с победой! — спохва-
тившись, благословила меня Зойка.

— Ага, со щитом, а не на щите, — пробормо-
тала я, удаляясь.

Монтер, потрошащий в коридоре электро-
распределительный щит, посмотрел на меня с
подозрением, но я строго сказала ему:

— Да будет свет! — и поторопилась сбежать вниз по лестнице.

О госпоже Лушкиной я слышала немало — она в нашем городе фигура во всех смыслах крупная: хозяйка концерна «Юг России», объединившего в едином порыве завод железобетонных изделий, домостроительный комбинат и сеть риелторских контор. О Лушкиной говорят, что она стоит сто миллионов и весит сто кило. Не знаю, как насчет денег Галины Михайловны, а насчет ее живого веса молва не врет. Я поняла это, когда увидела, как мадам вылезает из салона своего «Бентли»: высадив пассажирку, машина в кормовой части приподнялась сантиметров на двадцать!

Высокий статный парень, выпрыгнувший из машины чуть раньше Галины Михайловны и предупредительно поспособствовавший ее выгрузке из авто, первым взбежал по ступенькам и распахнул перед хозяйкой дверь роскошного офиса.

Цепляясь за краснодеревянные перила пухлой ручкой и безжалостно слепя меня маникюром и бриллиантами, важная дама тяжело поднялась на крыльцо и скрылась за стеклянной дверью.

— Вот досада, опоздала! — Я хлопнула себя по бедру и подняла глаза, провожая взглядом скользящую вверх по фасаду стеклянную кабину лифта с застывшей в ней монументальной фигурой Галины Михайловны.

Если бы не розовый брючный костюм, она походила бы на уменьшенную копию памятника Екатерине Второй, украшающего одну из площадей нашего города. Статуя, формы, выражение лица и прическа у Лушкиной были точно такие же, как у бронзовой императрицы. Величие картины «Государыня Всея Российского Юга, возносящаяся над толпой» портило только присутствие в лифте долговязого помощника Лушкиной. Вместе они смотрелись смехотворно, напоминая героев русской народной сказки «Пузырь, Соломинка и Лапоть». Розовая толстуха в искрящихся украшениях здорово смахивала на радужный мыльный пузырь, а стройный верзила — на соломинку, так что для полноты сходства с фольклорной троицей им не хватало только лаптя.

«Может, это будет твоя роль? — подколот меня внутренний голос. — Вот сейчас ты, простая, как тот самый лапоть, вломишься в «Юг-Рос» и попросишь Лушкину, не распечатывая, отдать тебе письмо с поздравлением от «МБС».

«А она отдаст?» — заробела я, осматривая стеклянную башню лушкинской империи.

«Догонит и еще отдаст!» — тупо сострил внутренний голос.

Предчувствуя, что так оно и будет, я вздохнула, одернула короткий пиджачок и зацокала каблукочками по ступенькам.

— Вы к кому? — заинтересованно окликнул меня мужественного вида юноша на входе.

— Я к Галине Михайловне от Михаила Брониславича из рекламного агентства, — кокетливо ответила я, нагло прикрываясь именем шефа, который мог и не одобрить мою инициативу.

— Ольга Петровна, тут девушка по рекламе к Самой, — почтительно приглушая голос, сказал охранник в переговорное устройство.

Оно в ответ издало невнятное хрюканье, которое молодой человек уверенно перевел как «Подождите здесь», хотя на мой слух интонационно посыл был гораздо ближе к «Шли бы вы отсюда!».

Я послушно подождала, от нечего делать глаза по сторонам — благо, было на что посмотреть. Просторный вестибюль представлял собой подобие внутреннего дворика, со всех сторон окруженного стеклянными стенами в восемь этажей и накрытого стеклянным же куполом. В центре просторной площадки уютно журчал фонтан, мелодичный плеск струй которого никто не слушал: атриум был пуст, как аквариум во время смены воды. Зато в бесчисленных офисных клетушках, открытых взору благодаря прозрачным стенам, было полным-полно народу. Многочисленные сотрудники компании копошились в своих ячейках, точно трудолюбивые пчелки в сотах.

«Ты здесь ничего странного не замечаешь?» — спросил внутренний голос.

Мне казалась очень странной и откровенно нездоровой здешняя манера организации рабо-

чих мест, при которой каждый человек сидит как приклеенный на виду у всех остальных, словно муха на липучке. Но оказалось, внутренний голос имеет в виду другую странность.

«Ты посмотри на женщин и на мужчин», — посоветовал он.

— Вот это да! — тихо присвистнула я, рассмотревшись к офисным насекомым. — Вот это, я понимаю, у кого-то комплексы!

В местном шоу «За стеклом» я не увидела ни одной дамы, которая была бы моложе и стройнее госпожи Лушкиной! В то же время мужчины показали мне отборными красавцами — я даже посетовала, что не знала об этой особенности кадровой политики «ЮгРоса» месяц назад, когда мы в «МБС» искали актеров для рекламного ролика местной фабрики трикотажных изделий и нижнего белья.

— Этот офисный комплекс построен нашей компанией! — со сдержанной гордостью прохрюкала особа, появления которой я не заметила.

Я не стала объяснять, что имела в виду совсем другие комплексы — не офисные и даже не зенитно-ракетные.

— Ольга Петровна, это та девушка по рекламе, — без затей представил меня охранник.

— Здравствуйте! — оборачиваясь, я поспешно послала на хрюк свою самую цветущую улыбку, а затем очень постаралась, чтобы она не увяла досрочно.

Ольга Петровна обладала поразительным

сходством с сермяжным мешком, полным неизвестных живых существей. При каждом ее движении под серой тканью балахонистого брючного костюма в самых неожиданных местах вспучивались складки и выпуклости. В сочетании с нечеловеческим голосом внешность этой дамы заставляла вспомнить о рядах сельской ярмарки, где производится мелкооптовая продажа объектов свиноводства. Про себя я мгновенно окрестила Ольгу Петровну красивым индейским именем Поросычья Радость.

— Вы по какому вопросу? — спросила меня эта свиновидная скво.

— Я по вопросу вручения Галине Михайловне поздравления с ее днем рождения, — объяснила я на такой зубастой улыбке, какую редко видит даже мой стоматолог. — А вы, наверное, секретарь госпожи Лушкиной?

— Я личный помощник-референт нашего президента, — прохрюкала Поросычья Радость с такой важностью, словно речь шла о нашем общем российском Президенте. — Давайте ваш подарок, я передам.

— Ах нет, это невозможно! Понимаете, в чем дело...

Я сделала театральную паузу и мобилизовалась, мысленно заклиная вдохновение немедленно явиться и подсказать мне продолжение начатой фразы. Открывать своей собеседнице истинное положение дел я, разумеется, не собиралась. Вряд ли эта дама оценит своеобразную шутку нашей Маруси!

«Но и конверт она тебе не отдаст! — уверенно сказал мой внутренний голос. — Это же не женщина, ты видишь? Это хорошо выдрессированный цепной пё... помощник-референт».

Но мне пришло в голову, что успехи чужой дрессуры можно попытаться обратить себе на пользу. А тут как раз и вдохновение подоспело, и вместе мы сочинили почти правдивую историю:

— Я поспешила запечатать и отправить поздравительную открытку, а мой шеф, оказывается, собирался еще вложить в тот же конверт небольшой подарок для вашего президента, — объяснила я. — И вот теперь я очень прошу вас помочь мне решить эту задачку: подарок нельзя вручать без конверта. Открытку нельзя вручать без подарка. Конверт запечатан и находится у вас, а подарок — у меня. Может быть, вы сами откроете конверт и положите в него подарок?

— Ни в коем случае! — Поросычья Радость так испугалась, что ее розовые щеки посерели. — Открывать конверт, адресованный лично Самой? Нет-нет, это невозможно. А подарок — это и вовсе глубоко интимно, я не хочу в это вмешиваться, мало ли что...

«Сто процентов, она подумала, что милым словом «подарок» ты называешь деньги! Решила, что в конверте будет «барашек в бумажке», и боится иметь к этому отношение!» — проказливо захихикал мой внутренний голос.

— Я так и думала, — сказала я одновременно

и ему, и приятно боязливой помощнице президентши. — В таком случае, может быть, вы позволите мне самой дополнить конверт необходимым вложением?

Отказав мне в этой просьбе, помощница лишила бы свою начальницу подарка. Мы обе это понимали, поэтому я ничуть не удивилась, получив приглашение пройти в офис для практического решения деликатного вопроса.

Стеклоанный лифт вознес нас на восьмой этаж. Стеклоанные двери сами собой разъехались, пропуская нас в стеклянную комнату со стеклянными стенами. Пол и потолок оказались непрозрачными, и это меня порадовало. Я в отличие от Ольги Петровны была не в бесформенных брюках, а в короткой расклешенной юбке и при наличии стеклянных перекрытий неизбежно продемонстрировала бы свое нижнее белье обитателям семи нижних этажей.

Запустив меня в свой персональный аквариум, бдительная помощница первым делом попросила документы. Внимательно изучив предъявленное удостоверение и убедившись в моей принадлежности к рекламному агентству полного цикла «МБС», она раскопала в большой стопке свежей почты Маруськино поздравительное письмо, протянула его мне и отвернулась в сторону, притворяясь, будто любитса кактусом в горшке. Чахлое растение красотой не блистало, и засматриваться на него невзрачной офисной даме имело смысл, только если она желала

бы прослезиться над судьбой более безрадостной, чем ее собственная. Я поняла, что Ольга Петровна проявляет деликатность, и была ей за это признательна. Меня вполне устраивало отсутствие наблюдения за моими дальнейшими действиями.

Я вовсе не собиралась оставлять в конверте открытку с Маруськиным безобразным «поздравлением» и даже не думала дополнять его своими деньгами. Дурацкую открытку я изъяла, а взамен положила подходящий по размеру рекламный буклетик нашей фирмы и свой билет на спектакль в Театре оперетты, о котором культурная общественность нашего города жарко спорила уже второй месяц. Вообще-то я не большая любительница театра, мне гораздо больше нравится кино, но наша Зоя так увлекательно рассказывала об этом спектакле, что мы с Маруськой не рискнули сильно отрываться от культурных масс и тоже решили взять билеты. Ну, если уж быть совсем честной, Маруся ощутила тягу к искусству Мельпомены чуть раньше меня, а я тянула с культпоходом до последнего и купила билет только на сегодняшний заключительный спектакль. А если уж совсем-совсем честно, то сейчас я искренне радовалась, что необходимость присутствовать на помолвке Руслана Барабанова все равно лишала меня возможности беспокойно подремать в потертом плюшевом кресле над оркестровой ямой.

Но зачем же пропадать билету, за который

деньги заплачены? Вот он и пригодился. Билет, по моему мнению, вполне мог сойти за небольшой, вполне культурный и в высшей степени невинный подарок, а буклет всея конторы «МБС» с натяжкой заменял поздравление за подписью нашего шефа. На ощупь подарочный конверт для мадам Лушкиной получился приятно плотным, и чопорная Ольга Петровна отнеслась к нему с должным уважением.

Я покинула стеклянный замок «ЮгРоса» с приятным чувством гордости за проявленные мною ум и сообразительность. Понижать возрастную самооценку встречей с Броничем, у которого могло быть другое мнение по этому поводу, мне не хотелось. Чего мне хотелось, так это покушать, поэтому я решила начать обеденный перерыв досрочно и поехать домой. Папуля ночью творил тесто и мариновал мясо. На обед нам были обещаны пироги по-кахетински и шашлык «Дато Туташиа».

По мере подъема лифта запах жареной с чесноком баранины становился все сильнее и к седьмому этажу достиг такой концентрации, что я ворвалась в квартиру, распутив слюни, как мастиф.

— Дюшенька, ты как раз вовремя, мой ручки и садись за стол! — позвал из кухни папуля.

Он не усомнился, что пришла именно я, и это могло означать только одно: все остальные члены семейства уже сидят за столом с мытыми

ручками и полными тарелками еды. Я поняла, что имеет смысл поторопиться.

Жадина Зяма при моем появлении засуетилась и спешно вонзил вилку в самый большой кусок мяса.

— Приятно тебе подавиться! — съязвила я, плюхаясь на диванчик рядом с братцем.

— Не толкайся! — недовольно буркнул он, цепляя с блюда второй кусок — про запас.

— Дети, не сорьтесь! — примирительно сказал папуля. — Еды хватит всем.

— Ах, как мне надоели эти братско-сестринские распри! — капризно вздохнула мамуля, прикусывая веточку петрушки.

У нашей великой писательницы второй день не вытанцовывался сюжет нового романа, отчего она была сердита и раздражительна.

— Басенька, скушай ребрышко! — ласково предложил супруге папуля.

— Ах, как мне все это надоело! — скривилась капризуля.

Бабуля покосилась на мамулю, выразительно пошевелила бровями и молча прибавила громкость телевизора. Культурная программа обеда, отягощенного братско-сестринскими распрями и VIP-капризами, состояла из застольного просмотра новостей с Максом Смеловским — моим давним поклонником и другом всей нашей семьи.

— Сегодня первое апреля — международный день птиц! — радостно возвестил с экрана Максим.

— Сегодня первое апреля — День дурака! — чавкая, заспорил с ним Зяма.

— С праздничком тебя! — ехидно сказала я.

— Дюша, надо быть добрее к брату! — укорил меня папуля.

— Надо быть добрее к братьям нашим меньшим! — поддакнул ему Смеловский в телевизоре.

Я смешливо хрюкнула в надкушенный пирог. Зяма обиженно надул щеки, и без того сильно округленные не прожеванным мясом, и сделался похож на гигантского хомяка, максимально приблизившись к образу меньшего нашего брата по разуму. А телеведущий проникновенно сказал:

— Сегодня весь край должен выйти на строительство скворешников и птишников!

Он так и сказал: «скворешников» и «птишников» — через «ша», чему я сильно удивилась. Смеловский парень образованный, мы с ним вместе грызли гранит филологии в университете, причем Макс занятия не прогуливал и как грызун научного гранита преуспел больше меня. С чего же вдруг такой моветон?

— В самом деле, скворечник! — неожиданно оживилась мамуля. — О, какая идея! Извините, я вас покину.

Она отодвинула тарелку, встала и удалилась к себе.

— Я ошибаюсь, или к Басеньке пришла муза? — проводив супругу взглядом, задумался папуля.

— Ага! Она прилетела из ближайшего скворечника! — сострил Зяма.

Я подняла брови и похлопала ресницами. Наша мама пишет ужастики, и до сих пор самым компактным дощатым сооружением, фигурировавшим в ее произведениях, был портативный гробик злобного лилипута — карликового плода близкородственного скрещивания представителей вырождающейся вампирской линии. Как мамуля впишет в одну систему образов с мрачными склепами и усыпальницами милый птичий домик, было непонятно, но заранее интересно.

Предвкушая небанальный поворот сюжета, я поела шашлыка с пирогами и только-только приложилась к компоту из стилистически чуждой кавказской кухне гваябы, как позвонила секретарша нашего Бронича Катерина.

— Куда вы все пропали?! — истерила она. — Где ваша совесть?!

— Вопрос поставлен некорректно, — заметила я, двигаясь в прихожую, чтобы обуться и бежать в контору.

Наша Катька — воплощение гражданской сознательности, высокой ответственности и бескорыстной любви к работе. Отсутствие аналогичных качеств в других людях она воспринимает очень болезненно, а я не люблю огорчать своих добрых знакомых без крайней на то необходимости.

— Чье именно местонахождение тебя все-та-